

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, профессора Жуковской Наталии Львовны о диссертации Цыремпилова Николая Владимировича «Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII-начала XX в.», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Буддологические исследования в России в XXI в. ознаменовались появлением большого количества фундаментальных работ, посвященных разным аспектам буддизма – истории, философии, созданию блока священных текстов, изучению комментариев к ним, создававшихся на протяжении двух с половиной тысячелетий, пояснений к этим комментариям и тому подобной литературы. Среди сотен этих работ статьи и книги Н.В.Цыремпилова занимают особое место. Их фундаментальность обеспечена введением в научный оборот большого количества источников из архивов разных стран (России, Монголии, Китая, Японии, США), проливающих новый свет на казалось бы знакомые ранее проблемы. Итогом многолетних исследований автора стала представленная ныне к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук работа «Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII-начала XX в.»

Появлению этой работы предшествовала публикация большого, можно даже сказать огромного количества статей (53) и монографий (6), начиная с 2004 г. Так что можно с полным правом сказать, что автор посвятил этой теме значительную часть своей научной творческой жизни, особенно если учесть его относительную молодость.

В работе 5 глав, которые дробятся на 28 параграфов и, судя по списку литературы, все они (или почти все) уже были опубликованы, а стало быть прошли научную апробацию, что немаловажно для защиты докторской диссертации.

Н.В.Цыремпилов посвятил свой труд взаимоотношениям бурятской буддийской общины и ее руководства с различными ветвями и деятелями царской власти Российской империи XVIII-начала XX в. Основной идеей или концепцией его труда является общее положение, утверждающее сугубо подчиненную и даже подобострастную позицию бурятской сангхи и в особенности ее лидирующих представителей по отношению к монаршей власти, готовность идти навстречу во всех ее начинаниях кроме тех, что угрожали самому существованию буддизма и буддийской общины на территории империи, включая всяческую демонстрацию верноподданнических чувств и собственной безвредности, безопасности и даже полезности для власти в ее начинаниях. С другой стороны, имперская власть как хорошо отлаженная и последовательно работающая машина в лучшем случае рассматривала буддийскую сангху как нечто чужеродное, в ограниченных пределах терпимое, но никоим образом не заслуживающее поддержки и более чем терпимого отношения явление. На разных уровнях и в разных ветвях власти это отношение отличалось своими специфическими нюансами. Отношение светской власти при том, чем на более высоких уровнях, тем определеннее, было в целом колониально-патерналистским. Идеалом царской политики в соответствии со слоганом «православие, самодержавие, народность» было достижение в неопределенно отдаленном будущем некой высшей точки, которая характеризовалась бы полной однородностью в конфессиональном отношении на основе ортодоксального православия в великорусском этническом варианте и абсолютной верноподданностью самодержавно-сословным идеалам.

Однако, понимая отдаленность и труднодостижимость этой идеальной цели, высшие слои имперской царской власти готовы были мириться, в особенности на окраинах империи, с существованием многоукладности, пестроты этнокультурных традиций и пусть подчиненным, но все же обладающим некоторым минимумом прав иноверием. Оправданием такого подхода служило понимание необходимости поддержания

этноконфессионального мира и спокойствия в чреватой этноконфессиональными конфликтами мозаичной среде пестрой чересполосицы лишь относительно недавно и не без труда покоренных народов.

На противоположном конце шкалы можно поставить воинствующих «культуртрегеров», миссионеров, а также низовой и среднеуровневый чиновничий мир, которые отказывались видеть различия между буддизмом, шаманизмом, первобытным язычеством и прочими формами иноверия и в меру своего невежества стремившихся оные бичевать, а при случае и всячески выжигать, нарушая при этом даже самой империей устанавливаемые нормы.

Следует отметить разнообразие методов исследования, перечисленных диссертантом в своей работе. Всего он называет их семь: историко-типологический, историко-генетический, диахронный, синхронный, историко-сравнительный, ситуационный и диалектический, к которым добавлен еще и системный подход. Разнообразие методов – вещь хорошая, но конкретно в тексте работы трудно определить, где какой из них используется в данный конкретный момент. Поэтому мне кажется, что если бы автор назвал всего два из них – исторический метод и системный подход, то все остальные вписались бы в них совершенно спокойно, тем более, что следуя за автором из главы в главу, мы наглядно видели, как работает этот исторический метод, или как его еще называют, принцип историзма, в подаче материала. Прежде всего, мы видим, как появились, вырастая одна из другой разные инструкции, уставы, положения (Рагузинского, Шиллинга, Лавинского, Левашева, Муравьева и др.), которые раз от разу все более четко определяли место буддизма, количество лам и дацанов и их функции в системе российской государственности.

Некоторые из них, являющиеся весьма спорными в истории бурятского буддизма, диссертант осветил достаточно подробно – это прежде всего так называемый Указ Елизаветы Петровны 1741 года, который во всей литературе проходит как реально изданный императорский указ, и хотя его упоминают многие авторы, ни в каких архивах он не найден. Автор высказывает свою

версию: это был не именной императорский указ, а указ распорядительного характера, изданный иркутским вице-губернатором от лица верховного монарха, что было нормальной управленческой практикой в XVIII веке. Он полагает также, что этот указ был издан в правление малолетнего Иоанна VI в регентство Анны Леопольдовны, а приписывание его Елизавете Петровне является ошибочным (Глава вторая, § 6 – Признание буддизма российскими властями и Указ Елизаветы Петровны 1741 года).

В диссертации подробно освещены проблема миграций лам из Тибета и Монголии в Российскую империю и попытка властей взять ее под контроль, вопросы издательской деятельности дацанов и опять-таки попытка властей ввести цензуру как на издаваемую в России буддийскую священную литературу, так и на ту, что ввозили из-за рубежа, и неудача подобного цензурирования из-за нехватки кадров цензоров, владеющих монгольским и тибетским языками (Глава четвертая, § 4, 5).

В такой масштабной работе искать какие-то недостатки – неблагодарное дело. И все же хотелось бы отметить следующее. Диссертант уделил недостаточно внимания попыткам самоодернизации буддийской сангхи. Хотя наивысший всплеск собственно обновленческого движения относится к концу 1-й четверти XX столетия, т.е. не попадает во временные рамки рассматриваемого исследования, тем не менее определенные зачатки адаптационных к новым реальностям изменений и малых усовершенствований можно было бы как-то проследить даже на материалах конца XIX века. То же самое относится и к проявлениям борьбы за влияние с центрами буддийской авторитетности за пределами Российской империи и даже к эпизодическим апелляциям к иной имперскости, а именно Маньчжурско-Цинской с центром в Пекине. Это осталось за пределами в целом весьма обстоятельного исследования Н.В.Цыремпилова.

Хотелось бы еще отметить такой момент. Если правительственные чиновники России и иерархи православной церкви за небольшим исключением

(как, например, Ухтомский) не находили ничего положительного в буддизме и кроме как язычеством, колдовством, шаманством, знахарством его не называли (Глава пятая, § 2), буддизм все же оказал определенное влияние на русскую философскую мысль (С.Булгаков, Н.Бердяев, Н.Лосский, В.Кожевников), а также на творчество писателей (Л.Толстой), поэтов (В.Хлебников, М.Волошин, Н.Гумилев, К.Бальмонт), художников (Н.Рерих, Л.Бакст, Н.Кульбин) и др. Конечно, к этим именам и их творчеству чиновничество не очень-то прислушивалось, но интеллигенция России воспринимала их труды и идеи как нечто заслуживающее внимания. Правда, они говорили и писали более об индийском буддизме, а не о тибетской, монгольской и бурятской его формах, но все же для них за понятием «буддизм» стоял огромный пласт культуры Востока, а не только «негативный универсализм» и «угроза христианству», как пишет диссертант (Глава пятая, § 2), правда, ссылаясь в основном на оценку их работ, данную Т.Бернюкович в книге «Буддизм в российской философской культуре: «чужое» и «свое» (М., 2009).

В целом же диссертационное исследование Н.В.Цыремпилова заслуживает самой высокой оценки. Диссертант отлично справился с поставленными перед собой задачами, они четко сформулированы во Введении в разделе Цели и задачи исследования. Выводы, к которым он пришел, даны в Заключение к работе и они обоснованы всем изложенным материалом. Наиболее важными из них мне кажутся следующие: 1) буддийская сангха Бурятии воспринимала Российское государство как жизненно необходимую структуру, призванную участвовать в формировании основ ее внутренней организации; 2) при готовности сангхи к высокой степени доминирования государства в случае угрозы основам ее существования она включала механизмы самозащиты, а именно гражданское неповиновение, апелляцию к высшим государственным инстанциям, привлечение сторонних авторитетов для решения спорных проблем (к числу таких относится в частности император Цинской империи); 3) для законотворческой практики в сфере религиозной политики Российской империи

было характерно поддержание многих юридических режимов (не только буддийских, но и мусульманских) при утверждении собственного права быть абсолютным источником власти.

Подводя итог сказанному, следует еще раз отметить, что диссертационное исследование Цырепилова Николая Владимировича «Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII-начала XX в.» является фундаментальной, самостоятельной работой и представляет собой несомненный вклад в отечественную историческую науку, а также в отечественное востоковедение и буддологию.

Диссертационная работа и автореферат Н.В.Цырепилова отвечают требованиям и соответствуют критериям Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней, а их автор Цырепилов Николай Владимирович заслуживает присвоения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент –
доктор исторических наук, профессор
заведующий Центром азиатских
и тихоокеанских исследований
ФГБУН Института этнологии и
антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Н. Жуковская
Н.Л.Жуковская

Подпись *Жуковская Н.Л.*
заверяю
Зав. отделом кадров *Алиф Сафарина И.В.*
03.11.15

Адрес организации: 119991, г.Москва,
Ленинский проспект, д. 32-А,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт этнологии и
антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая
Российской академии наук
тел.: (495) 938-17-47, факс.: (495) 938-06-00
e-mail: info@iea.ras.ru